2005 МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ
Странник
2005/ 3
Странник
МОЛОДЕЖНЫЙ 2005 ЖУРНАЛ

SHOUT
SHARE
IT

- А. Танасейчук

А. Танасейчук
Лафкадио Хирн — космополит по рождению

Писатель и журналист, публицист и переводчик, гражданин США, житель Японии и японский патриот, сын ирландца и гречанки, родившийся на одном из островов Ионического архипелага и большую часть своей жизни проживший в Америке, — все это один человек, автор историй о волшебстве, духах и привидениях, только что прочитанных читателем. Имя этого человека Лафкадио Хирн (1850–1904). Он почти забыт в Америке и, наряду с классиками национальной литературы, глубоко почитаем в Японии.

Хирн прожил недолгую жизнь и едва ли был счастлив. Неудачи преследовали его почти постоянно. Во многом они были следствием личных обстоятельств. Он был неуверенным в себе человеком, мнительным, скрытным, более готовым к поражениям, чем к победам. Дитя мезальянса (как в национальном, так и в социальном смысле), он родился на острове Левкас (Лафкадиа — в греческой транскрипции). Отсюда его необычное имя — Лафкадио. Впрочем, до двадцати пяти лет его чаще называли Патриком, именем, которое дал ему отец, Чарльз Хирн, военный врач, офицер Британской армии, оказавшийся на архипелаге волею обстоятельств. Чем он покорил красавицу-гречанку по имени Роза — неизвестно, но она родила ему трех сыновей и уехала с ним на его родину, в Ирландию. В Дублине жили родители и многочисленная родня мужа. Здесь, на попечение родственников, он оставил молодую жену и детей и отправился на Крымскую войну. Потомственный дворянин и талантливый хирург, он, тем не менее, не был способен на настоящие, глубокие чувства. Когда он вернулся из России, в его сердце уже жила любовь к другой женщине. Роза страдала в Ирландии — и от климата, и от одиночества, по-английски она почти не понимала и разговаривать не умела. Муж был всегда далеко — то на одной войне, то на другой и, к тому же, совсем не любил ее. Она отпросилась погостить на родину, чтобы не возвращаться обратно. Там она вскоре заболела, впала в глубокую депрессию, а потом оказалась в сумасшедшем доме, где через несколько лет и умерла.

Будущий писатель навсегда расстался с матерью в возрасте шести лет и почти не помнил ее. Родителей заменила тетя отца —

женщина очень мягкая и добрая, искренне любившая и жалевшая Патрика. Ребенку с экзотической «южной» внешностью и выговором жить среди англосаксов и кельтов было нелегко. Домашний мальчик, он не имел друзей, физически не был крепок и часто просто не мог постоять за себя, к тому же, в результате несчастного случая полностью ослеп на один глаз и очень страдал от своего «уродства». Его отправили в хорошую школу, но закончить ее ему не довелось — денег у тети было совсем мало. Без образования и специальности, без протекции — надежд реализовать себя на Британских островах у него не было. В девятнадцать он перебрался в Америку к дальним ирландским родственникам и поселился в Цинциннати, штат Огайо. Учился на печатника, но стал журналистом. Писать начал почти случайно, отчаянно нуждаясь в дополнительном заработке. Начинал как репортер криминальной хроники и рецензент книжных новинок. Газета была небольшой, и получал он совсем немного, но с самого начала своей карьеры выделялся: писал не как репортер, совсем не так, как другие, — рассказывал красиво, порой несколько вычурно о вещах прозаических, обыденных, даже грубых и жестоких. Здесь, в Огайо, Патрик Хирн окончательно превратился в Лафкадио Хирна. Провинциальная пуританская Америка не могла оценить своеобразия его дарования. В 27 лет он уехал на Юг, в Луизиану, в «экзотический» Новый Орлеан. Переезд стал попыткой убежать от приземленной меркантильности буржуа в мир мечты.

В Новом Орлеане он сформировался как художник, начал писать рассказы, опубликовал первую повесть — о трагедии острова, смытого штормовыми волнами вместе с обитателями в море. Подружился со многими местными литераторами. Здесь открылась еще одна грань его дарования — переводческая. Он хорошо знал французский и любил французскую литературу. Первая общенациональная известность пришла к Хирну — переводчику произведений Готье, Флобера, Ж. де Нерваля, Золя и, главное, — Ги де Мопассана, в рассказы которого был влюблен. Он первым познакомил американцев с миром великого француза. Здесь, в краю креолов и французской речи, обращение к романской словесности было естественно и вполне объяснимо.

Хирн всегда много читал — и в детстве, и в зрелые годы. Французская литература для него значила многое, но все-таки образцом художника стал для него Эдгар Алан По. Увлечение жанром «страшного рассказа» состоялось во многом благодаря творческому опыту предшественника. Рассказы «о привидениях» тогда в Америке писали многие. Но у Хирна была своя цель — не развлечь читателя, «пощекотав» ему нервы, а заставить ощутить,

что жизнь не сводится исключительно к погоне за деньгами, но полна таинственного, загадочного и прекрасного. Хотя его рассказы заметил и стал публиковать один из ведущих американских журналов того времени, Хирн отчетливо понимал, что в Америке они не нужны. Этим обстоятельством объясняется и предпринятая им в это время попытка самоубийства.

Приглашение поработать в Японии в качестве университетского преподавателя английского языка и литературы оказалось выходом из глубокого кризиса, в котором пребывал писатель.

В Японию Хирн переехал весной 1890 года и до конца дней, безвыездно, — лишь, время от времени меняя японские адреса, жил в Стране Восходящего Солнца. Хирн был космополитом, любой дом был для него равно чужим — так повелось с младенчества. Может быть, поэтому переезд из «неформальной» Америки в предельно ритуализированную Японию дался ему так легко. Здесь он преподавал в различных университетах и преуспел в этом. Вершиной его карьеры стал пост профессора английской литературы в Токийском императорском университете.

Похоже, он с самого начала знал, что приехал в Японию не в гости, а навсегда. Будучи преподавателем, он одновременно и сам был студентом, изучая язык, впитывая обычаи и культуру, дух Японии. Он вжился в эту действительность. Принял японское подданство, женился, взял японское имя — теперь его стали звать Якумо Коидзуми. Здесь началась подлинная литературная жизнь Хирна. Он писал не для денег, а для удовольствия. Впитав японский мистицизм, избрал для себя традиционный японский жанр — волшебную сказку о привидениях и злых духах. Такие истории сочиняли в Средние века, сочиняли их и современники Коидзуми. Он писал по-английски, и его аудитория была совсем невелика — читатели единственной в Японии англоязычной газеты, большей частью такие же экспатрианты, не вписавшиеся в западную жизнь, как и он сам.

Без сожаления в свое время отвергнув Хирна, Запад вновь открыл его в начале XX века. Приближалась русско-японская война, и европейская цивилизация терялась в догадках в попытке понять, что такое Япония и чего ожидать от нее. Сочинения Хирна, казалось, могли дать искомый ответ. Его переводили и публиковали повсеместно, в том числе, и в России. Но война, в преддверии которой писатель скоропостижно скончался от сердечного приступа, отгремела, а вместе с ней в Европе забыли и его странные рассказы. Теперь, спустя ровно сто лет после смерти, Лафкадио Хирн занимает прочное и видное место в

истории мировой литературы. Настала пора вернуть его и русскоязычному читателю.